

ШКОЛЫ, ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ

ЭО, 2007 г., № 3

© Е. И. Филиппова

ПОНЯТИЕ *ETHNIE* ВО ФРАНЦУЗСКОЙ НАУЧНОЙ ТРАДИЦИИ И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ*

Концептуализация понятия и его производных: ethnïe, этнический, этничность, этническая группа, этническая идентичность

История термина *ethnïe***¹, пришедшего из древнегреческого языка, где он обозначал группы людей, не организованные политически, в отличие от групп граждан, организованных в соответствии с конституцией (*polis*), во Франции была и остается непростой. Словарь "Littre" от 1876 г. содержит целое созвездие терминов, производных от общего корня, в частности, *этногенеалогия*, *этнография*, *этнология*, *этнологический*, *этнолог*, *этнический*, но собственно "*ethnïe*" там отсутствует. "Этнография", согласно словарю, – это наука, объектом которой являются изучение и описание различных народов (*peuples*), а "этнология" занимается исследованием их происхождения и расселения.

Энциклопедический словарь "Nachette" (2002) определяет *ethnïe* как "группу людей, характеризующуюся общностью культуры и языка", этнографию как "описательную науку о происхождении и нравах *ethnïe*", а этнологию как "направление в антропологии, изучающее *ethnïe* и культуры". В современном толковом словаре "Larousse" дается следующее определение: "*ethnïe* – существительное женского рода, от греческого "этнос". Группа людей, обладающая однородной семейной, экономической и социальной структурой, чье единство основано на общности языка и культуры". Согласно словарю "Petit Robert", "*ethnïe* – это совокупность индивидов, которых сближают некоторые цивилизационные признаки, в частности, общность языка и культуры".

Словарь Французской Академии дает не только определения, но и содержит указания на этимологию и время появления во французском языке интересующих нас терминов. Их история выглядит следующим образом: заимствованный из латыни (от *ethnicus/языческий*), куда он, в свою очередь, попал из греческого (*ethnikos* – относящийся к нации или расе; производное от *ethnos*), первым (в XIII в.) фиксируется термин "этнический" (*etnique*) в качестве существительного со значением "язычник". В XVI в. это слово употребляется уже как прилагательное все в том же, религиозном, смысле (языческий). В современном, девятом издании словаря это значение имеет пометку "устаревшее". Ему на смену пришли следующие: "принадлежащий к *ethnïe*"; то, что характеризует или имеет отношение к *ethnïe*" (в качестве примеров приведены

Елена Ивановна Филиппова – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 06-01-02087а).

** Поскольку сами французские антропологи употребляют слово "этнос" лишь применительно к советской научной традиции, отличая его тем самым от *ethnïe*, свойственного французской школе, я считаю неправильным переводить "*ethnïe*" как "этнос", дабы не вносить терминологическую путаницу, и потому оставляю это слово без перевода. – Е.Ф.

"этнические различия", "этнические чистки" и "этнические наименования", служащие "для обозначения населения страны, региона или города").

XIX в. датируется появление термина *ethnie* – "научного производного от греческого *ethnos*", означающего "группу людей, которых сближают общие черты, в частности *относительная* общность истории, языка, культуры и, *чаще всего*, общая территория (в настоящем или прошлом)" (курсив мой. – Е.Ф.).

Наконец, в XX в. появляется термин "этничность" (*ethnicite*), определяемый как "совокупность цивилизационных черт, считающихся отличительными для данной *ethnie*".

Отметим, во-первых, полное отсутствие в данном ансамбле терминов каких-либо ссылок на общее происхождение, родство (даже воображаемое) и прочие "биологические" характеристики, во-вторых – явную территориально-географическую коннотацию (трактовка наименований населения региона или города как "этнических").

Специализированный "Словарь по этнологии и антропологии", изданный в 1991 г. (*Dictionnaire*: 242–244), содержит отдельную статью "*Ethnie*", из которой читатель узнает, что данный термин означает "языковую, культурную и территориальную общность определенного размера, обычно большего, чем племя". Далее автор констатирует, что во Франции это понятие относится к числу наименее разработанных в рамках дисциплины: "исследователи только начинают задаваться вопросом о содержании данного понятия и возможностях его применения, в то же самое время подвергая сомнению монографический описательный метод, тесно с ним связанный". Напротив, за последние десятилетия появилась обширная литература, посвященная проблемам *этничности* (*ethnicite*), становящейся все более заметной ставкой в политических играх. Между тем "связь между *ethnie* и этничностью далеко не проста как в теоретическом, так и в практическом плане".

"*Ethnie-genez*", или история конструирования понятия во французской традиции

Итак, исходно в контексте исключительно религиозном термин "ethnie" долгое время служил для обозначения групп населения, придерживающихся языческих верований. Эти же группы на языке светском именовались "нациями" (*nation*) или "народами" (*peuple*). Позже, начиная с XIX в., эти термины были заменены на "расы" (*race*) и "племена" (*tribu*), а в XX в. последние были постепенно вытеснены термином "ethnie", который вновь ввел в употребление во Франции Ж. Вашер де Лапуж в 1896 г. Целью этого исследователя было "лишить основное для него понятие *раса* какого-либо культурного или лингвистического содержания" (*Gossiaux* 1997: 329). Таким образом, внедрение нового термина сопровождалось семантическим сдвигом: слово "нация" стало обозначать отныне лишь население "цивилизованных" государств Запада; сфера же применения понятия *ethnie* ограничивалась вновь открываемыми территориями, населенными "примитивными", "дикими" или "варварскими" народами. В свою очередь, термин "раса" сместился в домен физической антропологии, или антропометрии, где он используется отныне при описании фенотипических характеристик населения (см.: *Bourgeot* 1994: 82; *Nicolas* 1973).

Как мы видели, интересующий нас термин проникает во французские социальные науки значительно позже, чем "этнография" и "этнология" (употребляются соответственно с конца XVIII и начала XIX в.). Их очевидная этимологическая связь с *ethnie* явно указывает на основной объект исследования этих наук. Между тем, как пишет Ж.-Ф. Госьо, существует принципиальная разница между этой связью и той, которая соединяет *социум* и *социологию*. Этнология появилась раньше, чем вошло в употребление слово *ethnie*, и в этом смысле можно сказать, что последнее – ее порождение (*Gossiaux* 2002: 3).

Понятие *ethnie*, возникшее как второстепенное и вспомогательное, так и не стало центральным концептом во французской этнографии/этнологии, которые не создали

(и не пытались создать) ничего подобного советской "теории этноса". Этнологи, предполагая по умолчанию, что они изучают *ethnie*, в то же самое время хранили красноречивое молчание в том, что касалось серьезного научного осмысления данного понятия. Определение содержания *ethnie* «рассматривалось исследователями-полевыми как нудная обязанность, от которой нужно было поскорее отделаться, чтобы перейти к изучению "настоящих" проблем: например, систем родства, экономики или символизма. Это забвение или отсутствие интереса к *ethnie* со стороны антропологов связано, безусловно, с самой историей дисциплины» (Amselle, M'Bokolo 1999: 11). М. Оже объясняет это господством во французской антропологии двух главных течений: первое объединяло школу М. Гриоля и структуралистов, второе – функционалистов и марксистов. Ни первое из этих течений, интересовавшееся прежде всего различными смыслами и символами, ни второе, рассматривавшее преимущественно функции, не могли строить свои теории вокруг концепта *ethnie* (см.: Augé 1979).

Напротив, представители более позднего по времени течения, которое П. Мерсье назвал "динамизмом", предложили несколько определений *ethnie*, в которых, впрочем, уже заложен потенциал для деконструкции понятия. Так, сам П. Мерсье, трактуя в одной из своих работ *ethnie* как "замкнутую группу, происходящую от общего предка или, в более общей формулировке, имеющую общее происхождение, обладающую однородной культурой и говорящую на общем языке, являющуюся одновременно политической единицей" (Mercier 1961: 65), уточняет несколькими годами позже, что "*ethnie*, как и любая из ее составляющих, есть лишь социогеографический сегмент более широкой общности, а потому ее следует рассматривать не изолированно, но в рамках регионального этнического ландшафта и в исторической перспективе" (Idem: 73–76).

Г. Никола, характеризуя *ethnie* как "сравнительно замкнутую и устойчивую социальную общность, берущую начало в более или менее мифологизированном прошлом, обладающую собственными этнонимом, обычаями, системой ценностей и, как правило, языком", добавляет, что все эти характеристики отличаются размытостью и нечеткостью и что лишь в редких случаях этнические границы совпадают с политическими: "*ethnie* может соответствовать одному или нескольким племенам, одной или нескольким нациям, подобно культуре или цивилизации". Кроме того, "конфликты между внутриэтническими политическими группировками часто бывают более ожесточенными, чем межэтнические войны; нередко политические фракции, принадлежащие к разным *ethnie*, создают политические коалиции, а этническая солидарность ничуть не более предотвращает внутренние конфликты, чем клановая – братоубийственные схватки". Наконец, "*ethnie* не равнозначна ни культуре, ни обществу, но представляет собой специфическое, более или менее подвижное сочетание культурных и социальных факторов" (Nicolas 1973: 103–104). Последнее утверждение свидетельствует о том, что автор понимает *ethnie* то как совокупность индивидов ("социальную общность"), то как явление того же порядка, что "культура" или "общество", по сути пограничное между ними.

Семантическая преемственность с термином *раса*, предполагающим генетическую наследуемость ряда признаков, на первом этапе существования понятия во французской научной традиции предопределила натуралистический подход к *ethnie* как сущности, субстанции: в рамках этого подхода "*ethnie* рассматривается как однородная социальная общность, обладающая языком, культурой, названием (этнонимом), системой родства, организованной по родовому, клановому или племенному принципу, территорией, обычаями и осознанием собственной принадлежности к одной и той же группе, отличной от всех прочих" (Bourgeot 1994: 84). Понимаемые таким образом *ethnie* рассматривались как эквивалент *нации* в первобытных, экзотических обществах, бывших изначально единственным объектом исследования этнологии как дисциплины.

Термин также широко употреблялся синонимично "племени", "обществу", "культуре", "социальной формации" или "культурной общности" (Nicolas 1973: 96).

Отголосок этой традиции можно найти в современных работах социологов, которые, в отличие от этнологов, проявили больший интерес к теоретическому осмыслению понятия. Так, Д. Шнаппер предложила такое определение *ethnie*: "группа людей, которые ощущают себя наследниками одной и той же культурной и исторической общности (часто формулируемой в терминах общего происхождения) и хотят продолжать поддерживать эту общность". Другими словами, продолжает автор, *ethnie* определяется двумя измерениями: исторической общностью и культурной специфичностью, но – и в этом его отличие от нации – не имеет собственной политической организации. Таким образом, Д. Шнаппер следует древнегреческой традиции в определении критериального признака *ethnie*, что дает ей основания считать синонимичными этому термину *нацию* периода до Революции 1789 г., *национальность* XIX в. и *субнацию/subnation* (Glazer, Moynihan 1975) новейшего времени (Schnapper 1994: 29).

Это также подводит ее к выводу о том, что в основе классической дискуссии между двумя научными школами – примордиалистской и модернистской – лежит понятийная несогласованность: "если называть нацией любую форму исторической общности, вместо того чтобы говорить об *ethnie*, то совершенно ясно, что люди всегда принадлежали к различным коллективам, даже если формы последних существенно видоизменялись со временем. В этом смысле нации, т. е. *ethnie*, существовали всегда. Напротив, если мы называем нацией... политические образования периода современной демократии, то они являются порождением недавнего времени, даже если они не возникли на пустом месте, а являются продолжением, на более высоком уровне, этнических чувств и предшествующих социальных институтов" (Schnapper 1994: 32). При этом, как подчеркивает исследователь, *ethnie* ничуть не более естественны, чем нации. В обоих случаях речь идет об исторических формах, реальность и содержательность которых не следует преувеличивать.

Этническая идентичность вовсе не обязательно более фундаментальна и устойчива, нежели национальное чувство. *Ethnie* могут делиться, объединяться и реорганизовываться, устанавливая новые социальные "границы", в результате процессов "смешения" (*amalgam*), "присоединения" (*incorporation*), "разделения" (*division*) или "распространения" (*proliferation*), в зависимости от экономических и политических условий. Поэтому "не численность и не какие-либо объективные характеристики отличают *ethnie* от нации, а природа связей, объединяющих людей" (Schnapper 1994: 30–31). *Нацию*, таким образом, не следует путать ни с *ethnie*, ни с государством. Она формируется в диалектическом взаимодействии как с первым (или первыми), так и со вторым, и именно в этом взаимодействии становится социальной реальностью. "Политическое признание *ethnies*, интегрированных в состав нации, ведет к ее дезинтеграции и бессилию; государство, если оно становится слишком могущественным, тираническим или тоталитарным, поглощает *нацию* и разрушает сообщество граждан. *Нации* нужно оставить ее место между *ethnie* и государством" (Schnapper 1994: 38).

Ethnie в контексте колониального администрирования

На протяжении длительного времени терминология, выстроенная вокруг *ethnie*, употреблялась в основном для категоризации населения колоний, в первую очередь африканских. Местные доиндустриальные общества, обладающие, по мнению "цивилизованных" европейцев, лишь зачатками социальной организации, не могли быть описаны в терминах, обычных для обществ эпохи капитализма с их развитой социальной структурой, институтом гражданства, межгосударственными границами, базирующимися на системе международных договоров. Реальность, представшая взору колониальной администрации, выглядела хаотичной и непонятной; необходимо было разо-

браться в многообразии групп населения, говорящих на разных языках, ведущих кочевой или оседлый образ жизни, отличающихся друг от друга внешне и вдобавок находящихся в определенных взаимоотношениях господства и доминирования между собой. Между тем попытки упорядочить хаос с помощью концепта *ethnie* лишь усугубили ситуацию, окончательно ее запутав.

Категория "ethnie" может иметь крайне разнородное социальное содержание: оно зависит от того, какой смысл вкладывают в это понятие различные действующие лица, от государственной идеологии и политической ситуации. А. Буржо отмечает, что само население бывших французских колоний, ставшее объектом научного интереса исследователей, не имеет в своем словаре какого-либо термина, который можно было бы перевести как *ethnie* или *tribu* (Bourgeot 1994: 84). С этим утверждением не согласен Ж.-Л. Амсель, приводящий в пример понятие *shiya* на языке бамбара-малинке, которое может соответствовать и расе, и *ethnie*, и даже клану: "в этом языке и в этом обществе мы находим, так же как и в нашем, идеологические понятия, позволяющие группировать индивидов на основании представлений об общности принадлежности или происхождения" (Amselle, M'Bokolo 1999: 35). Вопреки расхожим представлениям об *ethnie* как о племени во главе с вождем лишь немногие этнические наименования в Африке соответствуют общинам подобного типа. Чаще всего они являются порождением внешних научных классификаций.

Э. М'Боколо (M'Bokolo 1998: 321–329) различает три этапа в развитии воззрений этнологов и колониальной администрации на *ethnie*. В конце XIX в. антропологи выделили среди африканского населения крупные расовые типы: банту, нилоты, пигмеи и пр. Большинство этнографов, в свою очередь, полагая, что наблюдаемые ими группы основываются на кровном родстве, привязывали *ethnie* к расовым типам. Впоследствии ученые отказались от этой идеи, но в общественном сознании по-прежнему фенотипические признаки связаны с определенными культурными или лингвистическими группами.

Позже распространилось представление об *ethnie* как о примитивной форме нации: это означало, что этнические группы не только обладают определенной культурной и лингвистической однородностью, но и владеют собственной территорией. Тем самым *ethnie* были уподоблены английскому концепту *tribe*. В некоторых случаях этнографам удалось определить границы этих территорий, но чаще всего это оказывалось невозможным, поскольку языковые группы не совпадали с культурными и наоборот.

Наконец, на третьем этапе под этническими наименованиями начинают понимать группы, имеющие общее прошлое, в результате которого у них сформировались общие язык, обычаи, верования. Главное основание их коллективной идентичности – идея об общности происхождения, исторического или мифического. Однако, как пишет далее Э. М'Боколо, важность этих представлений в значительной мере отражает интерес ученых к данному сюжету, для самого же африканского населения идея общности происхождения отнюдь не столь существенна.

Можно привести немало примеров объединения под общим этнонимом и приписывания общего происхождения группам, говорящим на разных языках, а также ошибочной классификации в качестве таких этнических групп, которые в Европе называли бы социопрофессиональными: рыбаков, ювелиров, торговцев, гончаров, кузнецов и пр. Представители колониальной администрации полагали, что данная хозяйственная специализация соответствует делению на *ethnie* или расы. Между тем, не принадлежность к "этнической группе" предопределяла род занятий, а, напротив, включение в профессиональную общину влекло за собой усвоение соответствующих обычаев, образа жизни, даже языка и религии.

Наконец, в большинстве случаев *ethnie* были порождением исторически изменчивой политической ситуации. Те наименования, которые колониальные чиновники восприняли как этнические, в доколониальный период обозначали либо подданных госу-

дарственных образований, либо группы населения, не входившие в их состав, но обитавшие в непосредственной близости. Существовали и особые наименования для групп внутри государств, обладавших различным статусом (в том числе завоеванного населения, облагавшегося данью в пользу завоевателей или обращенного в рабство).

Таким образом, заключает ученый, период колониализма сформировал в Африке статичное и иногда искусственное разделение на *ethnie*. При этом «в бывших английских, немецких и бельгийских колониях они всегда были связаны с принадлежностью к "расе", а во французских приоритет отдавался региональным и религиозным критериям». Об экзогенной природе данного понятия свидетельствует, в частности, тот факт, что оно воспринято в основном лишь городским населением (причем этническая идентичность не является для него ни единственной, ни даже важнейшей), сельские же жители практически не употребляют "этнические" наименования.

Ethnie на службе у нацизма

В годы Второй мировой войны небольшая группа французских интеллектуалов активно включилась в разработку научного обоснования политики расовой чистоты. Их усилия были направлены, в частности, на оправдание антисемитизма, в том числе в его крайних проявлениях. Данная группа формировалась вокруг журнала "L'ethnie française" (1941–1944), создателем и идейным вдохновителем которого был Жорж Монтандон, врач по первому образованию, впоследствии заинтересовавшийся этнологией и добившийся определенного признания на этом поприще (подробнее см.: *Jarnot 2000*). С 1925 г. он работал в лаборатории антропологии Национального музея естественной истории, а с начала 1930-х годов преподавал в парижском Антропологическом институте. Именно в это время он начал систематически разрабатывать определение понятия *ethnie*, предложив следующим образом отличать его от близко родственных (и нередко используемых как взаимозаменяемые) понятий.

Ethnie, по Монтандону, – это "природная группа людей, определяемая совокупностью наследственных (биологических) и ненаследственных (традиционных) признаков"; *раса* – "группа людей, отличающаяся от других групп наследственными биологическими признаками"; *нация* – "группа, заключенная в границах государства". Признаки *ethnie* Монтандон разделил на пять категорий: "соматические (т.е. собственно расовые), лингвистические, религиозные, культурные и ментальные" (*Montandon 1941: 2*). Он настаивал на точности определений, в частности – на необходимости отличать "этничность" от "национальности": "национальность есть не что иное, как принадлежность к нации, т.е. к историко-политической общности, тогда как этничность есть принадлежность к *ethnie* – общности природной, часто не совпадающей с политическими границами". Таким образом, конкретизировал автор, "о любом французе можно сказать, что он француз по национальности – будь то француз из центра, баск, корсиканец, бретонец или фламандец. В то же время мы можем сказать про баска, что он француз по национальности, но баск по этнической принадлежности, и т.п." (*Ibid: 3*). Недопустимо также, по мнению Ж. Монтандона, путать категорию *ethnie*, которую он провозгласил "основополагающим фактором истории народов", и расу: «мы не разрешим нынешних противоречий, пока в законе будет сохраняться путаница между *ethnie* и расой; закон определяет "расу" на основании религиозной принадлежности; таким образом, фактически в законе речь идет об *ethnie*, каковое понятие включает в себя и расовые, и религиозные, и другие факторы» (*Idem: 5–9*).

Прикладное значение теоретических построений Ж. Монтандона и его учеников и соратников по журналу состояло, во-первых, в разработке критериев (в том числе биологических) для определения принадлежности индивида к "еврейской *ethnie*", во-вторых – в обосновании "германского" происхождения французов: германоязычные франки, память о которых сохранилась в самом названии народа, приобрели статус

"этнорасовой элиты", за "освобождение от которой (в результате Великой Французской революции 1789 г. – *Е.Ф.*) Франция дорого платит сегодня" (*De Champlis* 1941: 13–14). Таким образом расистская идеология соединилась с контрреволюционной, временно сместив с пьедестала "наших предков – галлов" и водрузив на него более подходящих к историческому моменту франков.

После Ф. Барта: деконструкция понятия

Появление в 1969 г. 30-страничного опуса норвежского антрополога Ф. Барта "Ethnic groups and boundaries", сместившего акцент с изучения множества изолированных групп, трудно поддающихся вычленению и классификации, на изучение границ между группами, рассматриваемых как подвижные и изменчивые, стало для французской этнологии поворотным (по мнению некоторых, даже революционным) моментом: дальнейшие исследования в этой сфере могли быть более или менее последовательной деконструкцией, уделять большее или меньшее значение символическому содержанию или механизмам формирования этнических групп, но возврат к примордиализму был уже невозможен (*Gossiaux* 2002: 13).

В то же время некоторые утверждения Ф. Барта его французские коллеги подвергают критике: так, считает Ж.-Ф. Госьо, пересечение этнических границ, – по мнению Ф. Барта, не только возможное, но и часто реализуемое на практике, – противоречит понятию *приписывания* индивида другими к определенной этнической группе. Между тем это понятие – одно из центральных в его же собственной теории. Теоретические взгляды ученого, – продолжает далее Ж.-Ф. Госьо, – подвержены естественному влиянию того поля, в котором ему довелось работать, а равно и того общества, в котором он живет. Однако другие ученые, работающие среди других групп населения или живущие в других обществах, могут, напротив, прийти к выводу о жесткости и неподвижности этнических реалий. Наблюдения, сделанные в Южной Африке, в США или бывшей Югославии, не способствуют выработке теорий, связывающих воедино свободу выбора и этничность (*Ibid*: 14). Ж.-Л. Амсель считает слабой стороной модели Ф. Барта тот факт, что, сделав ее центральным понятием границу между этническими группами, он оставил неприкосновенными сами группы (*Amselle, M'Bokolo* 1999: VII). Б. Формозо замечает, что Ф. Барт недооценивает вес и влияние на индивида унаследованных от прошлого культурных схем, не задается вопросом о смысле поведенческих кодов в более широком контексте, нежели выявление различий между соседствующими группами. Кроме того, он ограничивается рассмотрением представлений изучаемой группы, тогда как "мнения самих людей о том, кем они являются и кем не являются, недостаточно для того, чтобы их этническая принадлежность была признана; нужно еще, чтобы это мнение совпадало с представлениями окружающих" (*Formoso* 2004: 251).

Как бы то ни было, на смену статичному подходу пришел подход более динамичный, трактующий *ethnie* прежде всего как категорию, выявляющую культурные различия между соседними группами. На первый план выходят процессы межгруппового взаимодействия, а важнейшими механизмами становятся не самоидентификация и этногенез, а процесс этнификации. Тем самым натуралистический подход сменяется историческим. *Ethnie* воспринимается отныне как открытая социальная система, которая подвержена конструированию и деконструированию, а также самоидентификации и идентификации извне.

Пожалуй, основная заслуга в деконструкции понятия *ethnie* принадлежит во Франции африканистам, аргументировано доказывающим, что использование этой категории для объяснения общественного устройства неразрывно связано с отношениями политического доминирования. И это – вполне осознанная позиция, связанная, в частности, с переосмыслением колониального прошлого и роли колониальной админи-

страции, а точнее – обслуживавшей ее науки, в категоризации населения, приведшей к "созданию" африканских *ethnie* (см.: *Amselle, M'Bokolo* 1999; *Bourgeot* 1994), и в обосновании "цивилизаторской миссии" европейских держав в отношении "аполитичных, экономически отсталых и не имеющих собственной истории обществ, где царят анархия и стагнация" (*Formoso* 2004: 247).

Одним из первых взялся за эту работу Ж.-Л. Амсель на рубеже 1970–1980-х годов. В 1979 г. под его редакцией был опубликован коллективный труд "Le Sauvage à la mode", подвергавший сомнению некоторые фундаментальные положения антропологии (в частности, принципиальный анти-историзм, лежащий в основе структурализма К. Леви-Стросса, а также преувеличенное внимание к так называемым "примитивным" обществам), и вызвавший острую критику внутри цеха. Сам ученый так описывает обстоятельства, сформировавшие его научное кредо: «в студенческие годы я был увлечен стройностью аналитических построений Леви-Стросса, чрезвычайно близких, кстати, к той интерпретации марксизма, которую нам преподавали Л. Альтуссер и М. Годелье. Особенно меня привлекали "Элементарные структуры родства" и "Структурная антропология", казавшиеся трудами, равновеликими в антропологии тому, что сделал автор "Капитала" в экономике. Однако при первом же соприкосновении с полем я был поражен историзмом малых обществ. Включенные в состав крупных государственных образований, без конца создающихся и распадающихся, проникнутые влиянием ислама, эти общества, особенно фульбе, бамбара и малинке, не поддавались структурному анализу. Поэтому я принял сторону Ж. Баландье, который постоянно подчеркивал глубокий динамизм африканских обществ и определяющую роль колониального контекста [...Во время второго полевого сезона] вновь ни одно из обществ, которые я изучал, не соответствовало, на мой взгляд, тому, чему нас учили в университете. Нам говорили о догонах и нуэрах, об обществах без государства и обществах, имеющих государственную организацию, о политеизме и исламе, о письменных и бесписьменных культурах. Однако ни одна из этих категорий и ни одна из этих бинарных оппозиций не могли удовлетворительным образом описать и объяснить социальную и историческую изменчивость региона, который я исследовал. Вместо замкнутых *ethnie*, четко определенных политических и мировоззренческих систем передо мной предстали гибридные системы, то, что я позднее назвал "смешанными логиками" (*logiques métisses*)» (*Amselle* 1997: 21).

В 1985 г. выходит в свет монография "Au cœur de l'*ethnie*" (с подзаголовком: *Ethnie*, трайбализм и государство в Африке), переизданная затем в 1999 г., которая развивает критику категорий, использовавшихся колониальной наукой для описания социальных реалий Африканского континента, и предлагает новые термины и новые подходы. С первых строк авторы заявляют о себе как об убежденных конструктивистах, преемниках и последователях Ф. Барта и П. Мерсье и провозглашают своей целью "демонтаж понятия *ethnie*", которому они противопоставляют более гибкие и изменчивые понятия, такие как "цепочки обществ", "объединяющие сети", "пространства обмена", "лингвистические пространства", "культурные пространства" и пр. Продолжая традицию, заложенную "Политической антропологией" Ж. Баландье, Ж.-Л. Амсель и Э. М'Боколо уделяют особое внимание историческому контексту формирования аналитических и описательных категорий, используемых в антропологии. В то же время они подчеркивают, что речь идет не об отрицании существования *ethnie* в Африке, а о том, чтобы показать, что "категории, в которых мыслит себя местное население, есть категории исторические", что "невозможность дать единое определение конкретному этнониму свидетельствует об относительности этнической принадлежности, но не лишает индивида права претендовать на избранную им идентичность" (*Amselle, M'Bokolo* 1999: II). Авторы предпочитают изучать не *ethnie*, как если бы это были замкнутые миры, соседствующие друг с другом, не доколониальные политические системы как отдельные единицы, не религиозные доктрины и не экономические

системы, а их взаимодействия, наложения и переплетения, делая акцент на отношениях между центром и периферией и на понятии *границы* (Ibid: III).

Логическим продолжением стадии деконструкции понятия *ethnie* должна стать реконструкция африканистской социологии, что означает отказ от использования какого-либо этнонима без предварительного определения контекста, в котором он употребляется; таким образом на смену эссенциализму этнологии должен придти прагматизм обществ. Этнонимы суть ярлыки, знамена, ономастические эмблемы, употребление которых определяется политической конъюнктурой (Ibid: VII). Этнические границы следует понимать скорее не как географические рубежи, а как семантические барьеры или различия между классификационными системами, иными словами, как социальные категории. Эпистемологическая критика понятия *ethnie* подводит к необходимости переосмысления целых разделов антропологии и, в частности, таких понятий, как "клан" и "линидж", из которых непосредственно выводятся понятия раса и *ethnie* и которые, вопреки своей связи с принципом родства, сообщаящей им видимость определенности и неизменности, в действительности не свободны от мифологизации и нередко выражают "то, что должно быть, а не то, что есть" (Ibid: 35).

Сформировалась уже стойкая традиция этнографического конструктивизма применительно к анализу социально-политических ситуаций на Африканском континенте и не только на нем: "ни один антрополог, достойный называться этим именем, не решился бы анализировать сегодня какой бы то ни было мятеж, забастовку, социальное движение, будь то в Африке или где-то в другом месте, в терминах трайбализма и этничности", тем более что «нет принципиальных отличий между африканским "трайбализмом" или "этничностью" и возрождением "регионализма", наблюдаемым в Европе. В обоих случаях движения за возврат к истокам, поиски "аутентичности" берут свое начало в городской среде, в отображении горожанами сельской действительности и воображаемого прошлого. Именно социальная и пространственная дистанция позволяет как в Европе, так и в Африке придать видимость чистоты и однородности разнородной и иерархизированной среде» (Ibid: 41–42). В полном соответствии с этой традицией исследователи пишут о "политическом использовании этнической идентичности" (этническая идентичность не является данностью или сущностью; это продукт исторического развития, социальной динамики и политического взаимодействия, которые соединяют между собой идентичности индивидуальные, локальные и глобальные и являются результатом непрерывного приведения в соответствии прошлых идентичностей с новыми, привнесенными современностью); об "этнических антрепренерах" (Voûji 2002), о "произвольных классификациях населения в интересах политического доминирования", об "этнизации и медиатизации культуры", об "этнической идентичности, заимствованной у этнологии" (Doquet 2002).

Французские социальные науки уделяли и до сих пор уделяют столь незначительное внимание конструированию *ethnie* в качестве объекта исследования, что некоторые ученые говорят даже об "этнологии без *ethnie*". Так, в книге Жана Куизенье (бывшего долгое время главным редактором журнала "Ethnologie française") и Мартин Сегален "Этнология Франции" (Cuisenier, Segalen 1986) объектом дисциплины названы "группы людей, их общественная деятельность, культура и символы, технические умения и навыки" (с. 3); в сферу ее научных интересов включены "народные знания о природе, родство и системы наследования, мастерские и фабрики, рабочая культура, техника строительства жилья, старые и новые праздники, местные структуры власти, костюм, пищевые традиции и обряды – любые проявления социальной жизни" (с. 4). Среди "концептов, выработанных этнологией с целью теоретического анализа наблюдаемых фактов", выделены *родство* и *структура* (с. 44–45).

Одной из важнейших проблем этнологии применительно к современным западным обществам авторы считают определение пространственных и культурных границ групп людей, находящихся во взаимодействии между собой, которые могут стать объ-

ектом исследования: "было бы ошибкой полагать, что единицы наблюдения социальной действительности заданы раз и навсегда" (с. 78). В качестве таких единиц рассматриваются коммуны ("неявно подразумевается, что коммуна представляет собой социальную единицу, члены которой знают друг друга и взаимодействуют друг с другом" (с. 79), но предпринятые монографические исследования ряда коммун убеждают в том, что представления об их социальном и культурном единстве являются явным упрощением: "коммуна, единица административная, не обязательно представляет собой общину, т.е. социальную единицу, формирующую чувство коллективной идентичности" (с. 83)) и регионы (чаще в природно-географическом, нежели в административном смысле этого слова) – но и эти единицы наблюдения нередко не имеют выраженного характера, который оправдывал бы их выбор в качестве объекта исследования (с. 81–82). Это приводит авторов к заключению о том, что ни коммуна, ни регион – заранее заданные территориальные единицы – не могут быть универсальными единицами наблюдения, и заставляет обратить взгляд к новым объектам: многообразным социальным сетям – родственным, соседским, дружеским, профессиональным, – в которые каждый индивид встраивается определенным образом, в зависимости от его семейного и социального положения (с. 86–87).

Далее в тексте речь идет также о "социальных и культурных особенностях различных *территорий* и *социальных групп*" внутри французских границ, о социально-экономических и демографических характеристиках *регионов* как причине формирования этих особенностей, о культурной идентичности *населения*, о пространственных и социальных конфигурациях сетей приема иммигрантов – об *ethnie* же, по-прежнему, ни слова. И лишь на двух заключительных страницах авторы, наконец, вводят этот термин, но лишь для того, чтобы объявить его необязательным и излишним для антропологии, сочетающей в себе этнологический и исторический подходы: "группы населения, говорящие на баскском или бретонском языках, сформировались в результате длительного исторического процесса, который, следуя советской академической традиции, мы могли бы назвать этногенезом (отмечу, что понятие этногенеза во Франции неразрывно связано с советской этнографической школой. – Е.Ф.). Какая роль принадлежит в этом процессе языку, территории, влиянию различных структур управления или Государства? На этот вопрос нет единого ответа. ...Бретань (но какая Бретань?) или Лангедок (но что такое Лангедок?) сегодня в меньшей степени объединены общностью языка или говоров, чем экономической солидарностью и политическими проектами" (с. 122–123).

Не настаивая на вечности различных по своему происхождению *ethnies*, сегодня достаточно расплывчатых, этнология Франции выявляет многообразие культурных границ: между территорией традиционного бытования письменного и обычного права; между зоной распространения языков групп лагедойл и лангедок; между регионами каменного и деревянного зодчества, и т.п. Все эти границы не совпадают друг с другом, а значит, сколько критериев классификации – столько возможных разделений территории (и населения) страны. Возникают новые формы солидарности, для которых этническая (в значении "региональная") принадлежность не имеет никакого значения. В результате иммиграции появляются культурно отличительные группы, воспринимаемые как "этнические" – магрибинцы, вьетнамцы и пр., – но "механизм их формирования – неформальные сети поддержки – тот же, который в XIX в. привел к образованию в Париже общин выходцев из Оверни или Лимузена с их особой, отличной от парижан, идентичностью" (с. 123). Таким образом, как заключают авторы, в центре внимания этнологии Франции – не описание региональной этнографической специфики, а изучение принципов, закономерностей и целей, предопределяющих бесконечное и непрекращающееся воспроизведение культурных различий.

И по сей день использование термина *ethnie* во французской социальной антропологии, – объектом исследования которой, как следует из названия дисциплины, являются

ся человеческие общества, а не этносы и даже не культуры, – остается ограниченным и амбивалентным. Понятие *ethnie* остается маргинальным прежде всего потому, что ему чрезвычайно трудно дать четкое определение: в зависимости от контекста *ethnie* уподобляется то нации или даже региону (что предполагает связь с определенной территорией), то социальной, то расовой группе, то культуре (Gosselin 1985: 111), а определяющие критерии варьируют в зависимости от позиции исследователя и желаемого им результата.

Так называемый культурно-исторический подход, в рамках которого *этническая общность* понимается как группа, сохраняющая и разделяющая общую культуру, критикует Ж.-Ф. Госсю: прежде всего, как определить содержание этой "сохраняемой" культуры, если любые межгрупповые контакты неминуемо приводят к заимствованиям и взаимовлияниям? Что такое исходная культура, культура предков? Кто наследует, например, культуру Каролингов – французы или немцы (российский читатель без труда вспомнит немало примеров споров за культурное наследство болгар, шумеров, алан и других ныне исчезнувших обществ. – Е.Ф.)? Еще один вопрос – о "точке отсчета": как определить в рамках культурно-исторического подхода французскую культурную общность? «Если вести отсчет от галлов, – пишет автор, – то тогда следует признать валлонцев французами. Если у истоков стоит Хлодвиг, тогда французский культурный багаж окрашивается в нордические и христианские тона. Если французы – наследники Вольтера и философов Просвещения, то референтной становится так называемая "высокая культура". Если же принять за начальную точку 1789 г., то на первый план выходит политическая общность. В каждом случае термин "французский" обозначает совершенно разные реалии. Из этого можно, конечно, заключить, что французы – это не *ethnie*. Но рассмотрев таким же образом, например, бретонцев, мы приходим к тому же результату», – заключает Ж.-Ф. Госсю, и делает обоснованный вывод о том, что попытки определить *ethnie* через культуру представляют собой неразрешимую проблему (Gossiaux 2002: 11–12).

Именно идеологическая двусмысленность и эпистемологическое бессилие, по-видимому, стали причиной весьма ограниченного употребления других терминов, производных от *ethnie*.

Так, концепт "этничности" (*ethnicite*) был воспринят лишь немногочисленной частью гуманитариев, в основном разрабатывающих проблемы иммиграции или национализма. Большинство долгое время отказывалось от его употребления по принципиальным соображениям: по мнению ряда исследователей, этот концепт является в некотором смысле плодом актуализации расовых и даже расистских теорий XIX в., а следовательно, его надо рассматривать не как научную, а как идеологическую категорию. По мнению других, "этничность" – типично американское изобретение и как таковое может быть полезно в контексте изучения межгрупповых отношений в США, однако в Европе и, в частности, во Франции его применение не имеет смысла. Не случайно во французских толковых словарях термин "этничность" отсутствует вплоть до конца 1980-х – начала 1990-х годов, а в переводных американских статьях он нередко заменяется терминами *ethnie* или "этническая идентичность" (*identité ethnique*). Неприятие концепта "этничности", как писал в 1995 г. М. Мантиньелло, все еще остается правилом для франкоязычных социальных наук (Mantiniello 1995: 11–12).

Сегодня, впрочем, это утверждение уже не кажется бесспорным. В контексте европейской интеграции Франции все труднее становится отстаивать свою "специфичность", и идеи мультикультурализма и коммунитаризма постепенно проникают в общественный и научный дискурс. Теперь уже не кажутся шокирующими не только такие термины, как "концентрация этнического населения в пригородах" (Augé 1994: 167), но и квалификация бретонского, корсиканского и им подобных движений как "этнорегионализма" (Dieckhoff 2000: 105), и утверждение о том, что "политическая концепция нации является одновременно более смутной, более расплывчатой и менее

распространенной, чем ее этническое понимание" (Duchesne 1997: 307), и даже предвидение возможности «установления нового социального договора – не между индивидами..., а между общинами: ...с одной стороны – французской общиной, состоящей из "коренных французов", которую можно приравнять к *ethnie* или *race* (курсив мой. – Е.Ф.), с другой – общинами множества этнических меньшинств, оттеняющими достоинства французской идентичности» (Amselle 2000: IV).

Отмечу, в то же время, что употребление термина "этнический" в значении "характеристики группы, члены которой воспринимают себя (и воспринимаются другими) как культурно отличные от членов других групп, с которыми они регулярно взаимодействуют" (Mantiniello 1995: 18–19) позволяет квалифицировать как "этнические" в том числе различия в поведении и культуре населения отдельных исторических областей Бретани (Le Коадик 2003: 68), – что с точки зрения логики не противоречит здравому смыслу, но как раз свидетельствует, на мой взгляд, о маргинальности концепта "этничность" во французской гуманитарной традиции.

Исключением из правила можно считать работы этнолингвистов (напомню, что именно язык считается во Франции, в отличие от ряда других стран, основным этническим признаком), в частности работу Р. Бретона "Народы и государства. Невозможное соответствие" (Breton 1998). Народ определяется автором как "основная (этническая) социальная единица", а государство – как "высшая по отношению к народу институциональная политическая структура". Человечество состоит из "тысяч этнических групп", которые, в свою очередь, включают в себя "расплывчатые и многократно пересекающиеся подгруппы". Термины "нация", "народ", "племя" и им подобные Р. Бретон считает отражением неравного политического статуса соответствующих групп, "тогда как с точки зрения антропологического анализа любая этнолингвистическая группа является *ethnie*".

Такой взгляд позволил ему выделить четыре типа государств в соответствии с этническим составом их населения: моноэтнические государства (государства-нации, к которым относятся те, которые, по примеру Франции после 1789 г., взяли курс на гомогенизацию нации на основе единого языка), дробные государства (*États fractionnaires*), в состав которых входит лишь часть "разделенного народа" (в Европе к таковым относятся Бельгия и Австрия, а с недавних пор и Молдавия), полиэтнические государства, официально признающие этническое и языковое многообразие своего населения (например, Швейцария и Финляндия), и, наконец, "а-этнические" государства (*États anethniques*), которые существуют благодаря не этническим, а иным – например, территориальным и историческим – факторам (к ним отнесены все государства Латинской Америки и большинство стран так называемой "Черной Африки", использующие бывшие колониальные языки). Нелогичность предложенной классификации кажется очевидной: непонятно, в частности, почему Бельгия попала в число дробных, а не полиэтнических государств; почему Германия, Нидерланды, Румыния и Франция не отнесены к "дробным", хотя немалая часть говорящих на французском, немецком, фламандском и румынском языках живет за пределами их территории, куда пропала Испания с Каталонской и Баскской автономиями... Вопросы можно было бы продолжать до бесконечности.

"Этнические" категории и статистика: "за" и "против"

В 1995 г. были опубликованы результаты исследования "Географическая мобильность и социальная интеграция", проведенного совместно Национальным демографическим (INED) и Национальным статистико-экономическим (INSEE) институтами под руководством демографа Мишель Трибала. Ее книга "Faire France" (Tribalat 1995), благосклонно встреченная прессой, вызвала бурные дебаты среди коллег-специалистов, решительно восставших против попыток сделать этничность категорией публичной

статистики. Некоторые усмотрели в этом протесте проявление политкорректности или фигуру умолчания – нежелание замечать наличие в обществе дискриминации. Дело, однако, вовсе не в этом, как убеждают ученые, а в нечеткости и размытости самого понятия *ethnie* и его производных, включение которых в арсенал статистики и демографии не проясняет, а лишь затемняет картину – особенно в стране, где "понятие этничности не имеет никакого институционального оформления" (Blum 1997: 253). Действительно, предложенные М. Трибала как бы "вскользь" определения и вытекающие из них классификации поражают отсутствием строгости.

Автор предлагает прежде всего отличать *этническую принадлежность*, выявляемую исключительно по языковому признаку (родной язык), от *этнического происхождения*, на которое указывает страна происхождения индивида или его родителей (Tribalat 1995: 15–16). Мало того, что ни язык, ни место рождения, ни – тем более – место рождения родителей не являются *этническими* признаками, М. Трибала не следует даже ею самой установленным принципам, произвольно объединяя индивидов в группы, не отвечающие ни одному из выделенных критериев. Фигурирующие в таблицах категории "Черная Африка" и "Юго-Восточная Азия" обозначают не страны происхождения, а широкие географические регионы. "Арабы" подразделяются на "арабов Алжира" и "арабов Марокко", тогда как "берберы Алжира и Марокко" объединены в одну категорию (иногда вместо "берберы" употребляется термин "кабилы"), что не мешает автору отмечать существенные различия в их поведении: "в общем и целом между арабами Алжира и Марокко почти нет отличий, тогда как поведение кабил Алжира и берберов Марокко резко отличается, уже в том, что касается религиозных практик... Так, кабилы менее строго соблюдают пищевые запреты по сравнению с арабами Алжира, тогда как среди мигрантов из Марокко ситуация прямо противоположная" (Ibid: 21). Наряду с "этнизированными" группами (например, фульбе и волофы Черной Африки) присутствуют группы "национальные" (испанцы, португальцы, французы).

Оппоненты М. Трибала резонно задаются вопросом: почему она не выделяет в отдельные группы кастильцев и каталонцев, бретонцев и эльзасцев, если уж принимается во внимание "родной язык" (см.: Blum 1997; Bertaux 1996)? Видимо, потому, что автор разделяет взгляд на *ethnie* как на категорию, свойственную лишь не-западным обществам.

Ф. Эран протестует против того, чтобы приравнивать указание на страну происхождения к *этническому происхождению*: "Можно ли утверждать, что иммигранты, прибывшие из Португалии, образуют во Франции португальскую *ethnie*, а иммигранты из Турции – турецкую *ethnie*, а то и расу? И, напротив, те из нас, кто уезжает больше чем на год за границу, становятся членами французской *ethnie* или расы? Оставим эту лексику нашим соседям по ту сторону Ла-Манша... Если мы придерживаемся республиканского понимания нации, недопустимо использование англосаксонской этнической терминологии для обозначения стран происхождения французов" (Héran 1996).

Еще одним примером смешения логических оснований является категория "коренные французы" (Français de souche), объединяющая критерий юридический (французы = граждане Франции) с критерием временным (лица, рожденные во Франции родителями, также рожденными во Франции)*. Данная категория – не изобретение М. Трибала, это понятие употреблялось уже в XIX в. Однако с течением времени оно приобретало новые смысловые оттенки и постепенно стало восприниматься обще-

* Напомню, что с 1871 г. традиционным для французской статистики является деление граждан на "французов по рождению" (français de naissance) и приобретших французское гражданство в результате натурализации (français par acquisition), каковое различие ничем, по сути, не оправдано: обе категории равны в правах и обязанностях, и способ получения гражданства никак не влияет на юридический статус индивида (см.: Simon P. Classements scientifiques et identités ethniques // <http://www.user.ined.fr>).

ственным мнением как обозначение той части населения страны, чьи предки в большинстве своем, если не исключительно, родом из Франции – в противоположность тем, у кого в роду значительна доля иностранцев.

"Замена традиционного для демографии понятия когорт, позволяющего учесть длительность проживания иммигранта во Франции, на генеалогические поколения... ведет к этнизации национализма, поскольку тем самым французская нация уподобляется этническому большинству в окружении более мелких групп, находящихся в стадии ассимиляции" (*Le Bras* 1996). Именно это обстоятельство сделало понятие *Français de souche* (семантически опасно близкое понятию *ethnie française*) центральным в идеологии Национального фронта Ж.-М. Ле Пена. Между тем такое восприятие категории статистического учета общественным мнением, ее неоправданная политизация заставляют забыть об очевидной двусмысленности формулировки "рожденные во Франции" – ведь Франция на протяжении длительного времени была колониальной державой. Таким образом, следуя формальной логике, следует считать "коренными французами" всех уроженцев Алжира того периода, когда он был составной частью национальной территории, не говоря уже обо всех уроженцах заморских департаментов, что не всегда спасает, например, выходцев с Антильских о-вов, как и алжирских иммигрантов и даже их детей, от проявлений расовой дискриминации. Однако подобно тому, как принято отличать граждан "по рождению" от "натурализованных", принято также, для удобства различных подсчетов, рассматривать по отдельности французскую метрополию и заморские территории. Такая практика дает основания подразумевать под "коренными французами" лишь тех, чьи "корни" уходят в почву метрополии. А ведь есть еще Эльзас, чье население трижды меняло свою гражданскую принадлежность, переходя от Франции к Германии и обратно.

Все эти обстоятельства делают крайне затруднительным, чтобы не сказать невозможным, определение понятия *Français de souche* и... вынуждают желающих все же сделать это любой ценой – обратиться к аргументам этничности, утверждая, что в основе современной французской нации лежит "древний этнический субстрат", сохранившийся практически без существенных внешних включений вплоть до 1950-х годов (*Dupâquier et al.* 1996).

«Какое значение имеет в данном случае термин "этнический"»? – задается резонным вопросом Э. Ле Брас. Здесь явно не имеются в виду культурные особенности, поскольку "никому не придет в голову возводить французскую идентичность к культуре мелких племен охотников-собирателей, населявших территорию нынешней Франции 8000 лет назад. Термин "этнический" стыдливо употреблен вместо "биологический". Но, – продолжает свою критику Э. Ле Брас, – «коль скоро "древний этнический субстрат" сохранился вплоть до 1950-х годов, и его носители имеют характерные общие черты, их должно быть легко определить». Однако критерий для отнесения того или иного индивида к категории *Français de souche* так и не был предложен, что не мешает обыденному употреблению этого термина. Вина же ученых состоит в том, что, используя его в своих трудах, придавая ему тем самым видимость научности, они как бы легализуют это употребление.

Жан-Луи Ралу, еще один участник дискуссии, акцентировал внимание не столько на идеологических или этических аспектах учета (или не учета) этнических категорий в статистике, сколько на методологических проблемах категоризации и классификации (*Rallu* 1999). Его основные аргументы против использования "этнических" данных в демографии состоят в следующем. Во-первых, вопрос анкеты, направленный на выяснение "этнической" принадлежности (в том случае, когда она определяется на основании заявления респондента, а не на основании тех или иных документов), чаще всего предстает в виде списка, содержащего перечень возможных ответов. Как показывает практика проведения переписей, массовых опросов и т.п., данный список обычно включает категории, далекие от существующих в антропологии, скорее общеприня-

тые, чем научные, к тому же нередко выделенные на основании двух или более разнорядковых критериев (географических, расовых, языковых, конфессиональных и пр.). Некоторые категории чрезмерно широки (как, например, "черные африканцы" (noirs Africains)). Все это отнюдь не облегчает задачу респонденту, который должен узнать себя в предложенном списке либо пополнить категорию "прочие". Во-вторых, в подавляющем большинстве случаев каждый респондент должен дать один-единственный ответ на вопрос о своей этнической принадлежности, что может быть затруднительным для выходцев из смешанных семей. Таким образом, респонденты вынуждены согласовывать свои ответы с заранее сконструированной статистикой, при разработке анкеты, социальной реальностью. В-третьих, существует хорошо известная связь между социальным статусом индивида и его ответом на вопрос о "происхождении": иммигранты, долгое время живущие в стране, воспринявшие соответствующий образ жизни и социально интегрированные, охотно отождествляют себя с группой большинства, либо с наиболее социально преуспевающей группой. Такое поведение особенно характерно для выходцев из смешанных семей. Этот феномен приводит к занижению социально-профессионального статуса меньшинств.

Тут мы подходим к одному из основных аргументов сторонников учета этнических категорий: он якобы необходим для выявления наличествующих в обществе социального неравенства и дискриминации, а нежелание официально фиксировать этническую принадлежность индивидов объясняется отказом от признания того факта, что дискриминация во Франции существует. Однако Ж.-Л. Ралу, как и ряд других участников дискуссии, убедительно показывает, что для изучения данных явлений нет никакой необходимости прибегать к фиксации "этнического происхождения" или "этнической принадлежности". Напротив, введение этих категорий лишь затемняет картину, поскольку, например, объединение в одну "этническую" группу недавних иммигрантов и их детей, родившихся и получивших образование во Франции, не позволяет измерить действительное социальное неравенство между мигрантами и немигрантами.

Никто не спорит с тем, что родной язык, место рождения, религиозная принадлежность оказывают воздействие на положение человека в обществе. Но во имя чего пытаться объединить все эти характеристики, растворив их в зыбком понятии "этнической принадлежности"? Существующие статистико-экономические данные вполне достаточны для выявления дискриминации, и введение новой переменной, не поддающейся ни четкому определению, ни единому пониманию, ничем не оправдано (Blum 1997: 259).

В мае 2005 г. Государственная комиссия по информации и гражданским свободам (Commission nationale de l'informatique et des libertés) – орган, без санкции которого невозможен никакой сбор информации о населении, приняла рекомендацию для работодателей: "не собирать данные, относящиеся к реальному или предполагаемому расовому или этническому происхождению", принимая во внимание отсутствие общепринятого в стране определения "этнорасовой классификации" и полагая, что сбор подобной информации ущемляет человеческую личность.

Вместе с тем споры о том, каким образом учитывать "происхождение" населения, и нужно ли это делать в принципе, продолжают по сей день. В ноябре 2005 г. – марте 2006 г. по заданию Министерства по обеспечению равенства шансов было проведено пилотное исследование (см.: Simon, Clément 2005), охватившее 1327 наемных работников и студентов, целью которого было сравнить восприятие респондентами трех различных предложенных им способов определения своего "происхождения". В первом случае учитывались гражданство и страны рождения самого опрошиваемого, его родителей, бабушек и дедушек. Во втором задавался вопрос: "Как бы вы определили свое происхождение?", ответ на который следовало выбрать из двух списков. Первый включал различные природно-географические и культурные зоны (Африка, Азия, Европа, Магриб, Антильские о-ва и Карибский бассейн и пр.), второй – национальные

государства (Франция, Алжир, Португалия, Сенегал, Турция и пр.). Наконец, третий способ предполагал самоидентификацию респондента с категориями, которые авторы исследования определили как "этнорасовые". Их список, "разработанный по образцу британской переписи населения и адаптированный к французским реалиям", выглядел следующим образом: белые, черные, арабы или берберы, азиаты, метисы.

Нетрудно заметить, что собственно "этнического" в данных категориях нет: речь идет либо о расовых (белые, черные, метисы), либо о языковых группах (арабы, берберы); наименование же "азиаты" отсылает лишь к континенту, т. е. имеет географическую коннотацию.

Исследование показало, что абсолютное большинство опрошенных (96%) не видит ничего предвзятого в интересе к их "географическому" происхождению и не испытывает никаких затруднений при ответе на соответствующий вопрос. Напротив, 12% принявших участие в опросе заявили, что им нелегко отождествить себя с одной из предложенных "этнорасовых" категорий. Особенно негативно восприняли данную попытку классификации лица магрибинского происхождения, прежде всего студенты, а также наемные работники, относящиеся ко "второму поколению", т.е. дети иммигрантов, родившиеся во Франции. Наконец, надо отметить, что те же самые люди, которые положительно отнеслись к учету "происхождения" в ходе анонимных социологических опросов и переписей, высказались против внесения соответствующих данных в личные дела, а также против их учета на предприятиях и в административных органах: каждый пятый протестует против указаний на "географическое" происхождение и каждый третий (среди выходцев из стран Магриба – каждый второй) – против фиксации "этнорасовых" категорий.

Накануне проведения данного исследования вопрос о необходимости и правомочности учета "этнических" категорий обсуждался на страницах журнала "L'Express" (см.: L'Express 2005. 10 nov.). Министр по обеспечению равенства шансов социолог А. Бегаг констатировал, с одной стороны, что «понятие "этнокультурных различий" не известно во Франции и для большинства французов лишено смысла» и что Франция не признает расовых категорий, с другой стороны, что проблема дискриминации так называемых "видимых меньшинств", особенно при приеме на работу, существует. Поэтому, как считает министр, французам нужно найти подходящий способ измерять эту дискриминацию, чтобы противостоять ей. Возможно, – предлагает он, – следует опираться на понятие "происхождение", поскольку эта категория нормально воспринимается общественным мнением.

Социолог П. Вейль, автор исследований об истории категории гражданства во Франции, об иммиграции и дискриминации (как негативной, так и позитивной), убежден: никакие новые категории учета не нужны, публичная статистика располагает необходимыми сведениями – такими как имя, фамилия, гражданство, место рождения индивида и его родителей, длительность проживания во Франции, место жительства, уровень образования. Совместный учет этих данных позволяет выявить практику дискриминации в отношении лиц иммигрантского происхождения или выходцев из заморских территорий. Он также высказался против применения квот при приеме на работу, сочтя эту меру неэффективной и недемократической.

В этом с ним согласен С. Тома, вице-президент ассоциации SOS-расизм, считающий, что единственным правильным решением могут быть неукоснительное соблюдение принципа равенства и жесткие санкции за дискриминацию. Лица иммигрантского происхождения, как и прочие, должны иметь право занять в обществе место, соответствующее их квалификации.

В пользу "этнизации" статистики выступила верная себе М. Трибала, утверждая, что это поможет борьбе с "этнической дискриминацией". В качестве примера для подражания она привела американский опыт: работодатель, в подчинении которого находится более 100 наемных работников, обязан каждый год представлять данные об эт-

ническом составе сотрудников. При этом "нет необходимости указывать информацию об этнической принадлежности в индивидуальных досье: оценка может основываться на... визуальном наблюдении". Излишне говорить, что объективность полученных таким путем данных вызывает серьезные сомнения.

Публикация результатов упомянутого выше пилотного исследования в бюллетене "Население и общество" (орган Национального института демографических исследований) и их комментарии в прессе дали очередной импульс дебатам. "Во Франции этнический учет запрещен законом", – напоминает журнал "Le Quotidien". Речь идет о Законе об информации и гражданских свободах от 6 января 1978 г., ст. 8 которого гласит: "запрещено собирать или использовать личные данные, которые прямо или косвенно указывают на расовое или этническое происхождение". К тому же, подчеркивает "Le Quotidien", основанием для дискриминации могут быть не только происхождение, но и другие признаки – пол, возраст и пр. (*Le Quotidien*. 2006. 3 août).

"Францию, до сих пор не признававшую коммуитаризма и позитивной дискриминации американского образца, сегодня, похоже, подталкивают к принятию этого принципа – при том, что сами США уже близки к тому, чтобы от него отказаться", – пишет журналистка "Фигаро" С. Габизон. Не отрицая наличия дискриминации, автор убеждена, что позиция Н. Саркози и его сторонников (именно они выступают в пользу позитивной дискриминации) ведет в тупик, альтернативой которому может и должно стать "позитивное равенство". В качестве единственно приемлемых статистических показателей она, вслед за Ж. Коста-Ласко, возглавившей недавно созданный наблюдательный статистический совет по иммиграции и интеграции, называет место рождения и гражданство индивида и его родителей; все же прочие категории, называемые "этнорасовыми" ("белые", "черные", "арабы", "азиаты"), не имеют под собой никакого основания (*Gabizon* 2006).

С этим мнением солидаризируется и Центр стратегического анализа – структура, непосредственно подчиняющаяся премьер-министру, который обнародовал накануне организованной им 19 октября 2006 г. научной конференции по проблеме этнического учета свою точку зрения. Она сводится к следующему: Франция не готова последовать примеру некоторых своих соседей и включить в число статистических категорий "этнорасовые", поскольку большинство населения относится к этому с недоверием. Многие обследования и опросы уже учитывают место рождения и гражданскую принадлежность, что позволяет выделить в отдельную категорию иммигрантов. Эти объективные данные могут использоваться для изучения культурного многообразия населения и для борьбы с дискриминацией. В то же время измерение культурного многообразия не может основываться на самоотнесении опрошенных к этническим или расовым категориям (*Le Quotidien*. 2006. 3 août).

Именно потому, что каждый определяет себя в соответствии с собственными представлениями об этнических категориях, эти категории не поддаются конструированию, – справедливо отмечает А. Блюм. Перечень этнических категорий не может быть исчерпывающим, поэтому неизбежно возникнет бесформенная масса, образованная теми, кто не сможет (или не захочет) отнести себя ни к одной из предложенных статистиками групп. "Если мы хотим, чтобы каждый определил себя, нам придется учесть тех, кто назовет себя алжирцами, бретонцами, марсельцами, парижанами, мусульманами, христианами, арабами, черными... И еще нужно будет учесть, как каждый из них определяет себя в зависимости от контекста, и как его определяют другие – жители его квартала, директор предприятия, куда он пришел наниматься на работу, и пр. Все это, очевидно, не дело статистики, чьи методы недостаточно изощренны, чтобы понять, что такое идентичность". К тому же, продолжает ученый, статистика сама по себе не может помочь в борьбе с дискриминацией. Куда более эффективны общественные дебаты, народные выступления, акции протеста, общественные движения и пр. Тем более что предлагаемые для учета "этнические критерии" не соответствуют

критериям дискриминации, которая может основываться на акценте, внешнем облике, манере поведения, имени или фамилии. Наконец, этнические категории заставляют забыть о социальной составляющей и делают невозможным всякое объяснение наблюдаемых явлений (Blum 2006).

Ethnie как категория общественного сознания и политического дискурса

Вопреки вполне осознанному и открыто декларируемому учеными стремлению дистанцироваться от расистской идеологии, скомпрометированной такими ее политическими результатами, как нацизм и колониализм, за пределами языка науки, в журналистской лексике и обыденном словоупотреблении *ethnie* и включающие его словосочетания, такие как "этнические меньшинства" или "этнические проблемы", явно сохраняют смысловую преемственность с термином "раса" (Guillaumin 2002).

В современном французском общественно-политическом дискурсе как правые, так и левые употребляют термин "ethnie" и его производные в дебатах по поводу иммиграции, религиозных проблем, ситуации в неблагополучных кварталах, положения "меньшинств". Средства массовой информации говорят о "племенной" или "этнической" природе конфликтов или войн, употребляя эти два термина как синонимы. По мнению Д. Шнаппер, такая путаница вряд ли может быть объяснена случайностью: "слова служат одновременно объектом и инструментом идеологических и политических конфликтов. Именно поэтому они, намеренно или нет, употребляются двусмысленно. В социальной и политической жизни, начиная с XIX в., вместо термина *ethnie* употребляется термин *peuple* (народ)". Такая подмена научного (по определению автора. – Е.Ф.) понятия политическим означает, явно или скрыто, признание права соответствующей группы на самоопределение в качестве нации – политической общности. Точно так же, "если даже в научной литературе намеренно путают *нацию* с *ethnie*, это означает, что любая этническая группа в эпоху национализмов может требовать, во имя права народов на самоопределение, своего признания в качестве нации" (Schnapper 1994: 37).

Идеологи этнонационализма, т.е. общественных движений культурной, а иногда политической направленности, используют язык и образы этничности, говоря о "пробуждении" или "возрождении" угнетенного группового сознания (Gossiaux 2002: 65). Такие движения квалифицируются во Франции как регионализм (иногда – как этнорегионализм – см. выше). Наиболее ярким (хотя и сугубо маргинальным) выражением этнонационалистической идеологии является концепция "этнизма", разработанная в конце 1960-х годов основателем Националистической партии Окситании (Parti Occitan) Франсуа Фонтаном. Для него, как и для большинства его последователей и единомышленников, этнос тоже фактически синонимичен языковой общности. Такое понимание позволило Ф. Фонтану выделить девять "латинских" этнолингвистических общностей, пять из которых представлены на территории Франции: каталонцы, окситанцы, французы, итальянцы и сарды.

В качестве специфических признаков, отличающих окситанцев "от других этносов", Ф. Фонтан называет (прежде всего!) расовый критерий, а именно "большую, чем во Франции и Италии, но меньшую, чем в Стране Басков распространенность первой группы крови" (видимо, окситанцами считается, по умолчанию, все население территории, маркируемой как "этническая", – иначе непонятно, на каком основании можно сделать такой вывод). Далее упоминаются также "происхождение населения – сильный латинский компонент (лигурийцы, иберы и галлы) и слабая вестготская составляющая", "этнопсихология" (без расшифровки), "политическая история" – регулярные восстания "людей, говорящих на нашем языке" против "французского завоевания", а начиная с XIX в. – постоянная поддержка партий и движений "левого" фланга на всех выборах, "культурная традиция", восходящая к поэзии трубадуров, и, наконец, "демо-

графическая, экономическая и социальная специфика": низкий уровень рождаемости, депопуляция и иммиграция, экономика менее развита по сравнению с соседними "этносомами" – Италией, Каталонией, Страной Басков и особенно Францией; численное преобладание класса мелких собственников (*Fontan 1969*).

Другой деятель окситанского националистического движения (*Hilaire*) утверждал, двадцатью годами позже: "Французское государство – государство колониальное. Этническая Франция не совпадает с государственными границами. Страна басков, Северная Каталония, Окситания, Корсика, Эльзас, Лотарингия и фламандский Вестхук в нее не входят; напротив, она включает бельгийскую Валлонию, часть Швейцарии, итальянскую Валле-д'Аоста, Квебек, острова Реюньон, Сен-Пьер и Микелон и Сен-Бартелеми*. Быть этнистом – означает требовать для французской нации, так же как и для нации окситанской, права на объединение в рамках независимого государства с этнически обоснованными границами".

Напротив, эльзасские регионалисты подчеркивают, что им чужда этническая концепция идентичности: "мы слишком много страдали, на протяжении нашей истории, от различных национализмов, чтобы сегодня воспроизводить эти устаревшие схемы, делая ставку на микронационализм сепаратистского толка. В эпоху создания объединенной Европы этот концепт лишен какого-либо смысла" (*Cordonnier*).

Корсиканские националисты, настаивающие на том, что они – особый народ: не французы, но уж точно и не итальянцы, тем не менее придерживаются элективной модели нации. "Чтобы чувствовать себя корсиканцем, необязательно ни жить на Корсике, ни говорить по-корсикански, ни иметь родителей-корсиканцев. Корсика в своем стремлении к независимости решительно отвергает чрезвычайно опасные этнические критерии. Население острова – результат смешения, гармоничного слияния народов и культур, пришедших извне, и мы не собираемся отказываться от этого богатства, которое облегчает нам путь к модернизации и, надеюсь, сможет предотвратить проявления ксенофобии", – утверждает Эдмон Симеони, один из ветеранов националистического движения, ныне – депутат Региональной ассамблеи и председатель ассоциации "Корсиканская диаспора и друзья Корсики" (*Corsica Diaspora et amis de la Corse*) (*Симеони 2006*). С ним согласен и лидер либерально-националистического движения "Партия корсиканской нации" (*Parti de la nation corse*) Жан-Кристоф Анжелини: "Я с недоверием отношусь к псевдонаучным критериям, которым якобы необходимо соответствовать, чтобы подтвердить свою связь с той или иной страной, культурой, чтобы претендовать на ту или иную идентичность" (*Анжелини 2006*). Примечательно также, что Ж.-М. Ле Пен, прибывший 7 октября 2006 г. на Корсику в рамках своей предвыборной кампании дабы выразить поддержку находящимся сейчас под следствием молодым радикалам из группы "Clandestini corsi", обвиняемым в расистских преступлениях, был встречен плакатами "Фашисты, прочь!". Большинство корсиканских националистических организаций открыто заявляет о своем несогласии с попытками связать корсиканский сепаратизм с расистской идеологией и осуждает насилие, практикуемое активистами "Clandestini corsi". Таким образом, несмотря на требования сохранения и развития корсиканского языка и традиционной культуры, присутствующие в программах многочисленных групп, называющих себя националистическими, применительно к Корсике имеет смысл говорить не об этническом национализме, а о политическом автономизме или сепаратизме (последний исповедует радикальное крыло националистического движения).

* Особый статус этих островов определяется тем, по мнению автора, что к моменту их заселения французами они были необитаемы. Так, относительно о-ва Реюньон он пишет: "он был заселен сначала французами, потом англичанами и португальцами, которые завезли рабов из Африки. В соответствии с принципом принадлежности земли ее первым обитателям мы не можем рассматривать Реюньон как территорию, которая должна быть деколонизирована".

Заключение

Беглый взгляд на перипетии термина *ethnie* и его производных во Франции позволяет сделать следующие выводы. В контексте сугубо научном можно констатировать отсутствие традиции теоретического осмысления феномена (место дебатов относительно содержания понятия *ethnie*, подобных отечественным дискуссиям вокруг "этноса", занимают дебаты относительно наличия самого феномена: иными словами, не "что такое *ethnie*", а "существуют ли *ethnie*" – причем доминирующий ответ на этот вопрос – отрицательный). Отсюда отсутствие какого-либо единообразия в использовании данного термина, который, не будучи определен, тем не менее используется (чаще, впрочем, не существительное *ethnie*, а прилагательное "этнический").

Вопреки попыткам представить *ethnie* как нейтральную, идеологически не нагруженную категорию, ее так и не удалось избавить от оттенка уничижительности, унаследованного от исторического контекста. Вспомним перечень "этнических" категорий, которые предлагается сделать объектом статистического учета. При кажущейся алогичности и непоследовательности оснований классификации ("черные", "метисы", "арабо-берберы", "азиаты") логика в этом перечне присутствует, и эта логика – расистская. Все перечисленные группы объединяют выходцев из бывших французских колоний, в том числе тех, которые сохраняют до настоящего времени статус заморских территорий или департаментов (т. е., замечу, "французов по рождению", согласно официальной формулировке). Противостоит же этому пестрому сообществу одна-единственная группа – "белые" (!), объединяющая все "европейское" и "американское" по происхождению население без учета страны происхождения для иммигрантов и их потомков, без разделения на бретонцев, корсиканцев, эльзасцев, басков и другие группы, которые считаются не этническими, а региональными. Краткий период существования в научном дискурсе понятия "*ethnie française*" также был связан с популярностью у части французских ученых расистских теорий, подкрепленных штыками немецких оккупантов.

Таким образом, можно утверждать, что дискриминация при приеме на работу, аренде жилья, продвижении по службе носит именно расовый, а не "этнический" и не религиозный характер, а разделительная линия проходит не между иммигрантами и постоянным населением, а между "белыми" и всеми остальными. Не случайно чаще всего лица, жалующиеся на дискриминацию, указывают в качестве ее причины цвет кожи, а также имя и фамилию. Именно признание этого обстоятельства вызвало к жизни предложение ввести "анонимные" анкеты при приеме на работу, не содержащие ни фотографии, ни имени и фамилии претендента. И именно этим вызван решительный протест значительной части ученых против введения в аппарат государственной статистики, под лозунгом борьбы с дискриминацией, "этнических" категорий: предложенные категории сами по себе дискриминационны, что не осталось незамеченным участниками пилотного обследования, многие из которых не смогли или не захотели отнести себя к какой-либо из них.

На политическом уровне республиканские принципы до самого последнего времени препятствовали проникновению концепта *ethnie* в политические практики. Франция не признает на своей территории этнические меньшинства и отказывается от институционального мультикультурализма, она не ратифицировала европейскую хартию о региональных языках и языках меньшинств и последовательно не соглашается вводить в какой бы то ни было форме позитивную дискриминацию, предпринимаются попытки предотвратить создание "этнических" кварталов. Однако сохранять верность этим принципам под давлением как "извне", со стороны европейских структур, так и "изнутри", со стороны части политического истеблишмента и научного сообщества, на фоне стихийно вспыхивающих беспорядков, которым некоторые пытаются придать "этническую" окраску, становится все труднее.

Тем не менее "прививка" республиканских ценностей все еще предохраняет общество от распространения эпидемии этнизации. Даже если предположить, что подчеркнутый отказ подавляющего большинства лидеров региональных политических движений от этнических аргументов есть лишь проявление политкорректности, это не отменяет того факта, что политически корректной считается именно такая позиция. На уровне повседневного общения и межличностных контактов французское общество выглядит куда более мультикультурным, чем американское, голландское или австралийское. Угрозу его единству представляют не этнические общины, а растущее социальное и экономическое неравенство, затрудняющее вертикальную, а иногда и горизонтальную социальную мобильность многих недавних иммигрантов и их детей, не позволяя им соревноваться с теми, кто уже на старте получил заметное преимущество. Крайне опасно допускать, чтобы нищета и отчаяние приобретали характерный и узнаваемый внешний облик, чтобы создавались зоны безысходности и неблагополучия. Это неминуемо приведет к тому, что социальные проблемы станут все более восприниматься общественным сознанием как расовые или "этнические".

Литература

- Анжелини* 2006 – Интервью с Жаном-Кристофом Анжелини. Корсика, 3 июля 2006 г. Архив автора.
- Ле Коадик* 2003 – *Ле Коадик Р.* Бретонские контрасты // *Этнопанорама*. 2003, № 3–4.
- Симеони* 2006 – Интервью с Эдмоном Симеони. Корсика, 26 июня 2006 г. Архив автора.
- Amselle* 1997 – *Amselle J.-L.* Anthropologie de la frontière et de l'identité ethnique et culturelle: un itinéraire intellectuel. Dans: *Confini e frontiera nella Grecia d'Occidente*. Atti del trentasettesimo convegno di studi sulle Magna Grecia. Taranto, 1997. 3–6 ottobre.
- Amselle* 1999 – *Amselle J.-L., M'Bokolo E.* Au coeur de l'ethnie. Ethnicité, tribalisme et Etat en Afrique. P.: Editions La Découverte, 1999.
- Amselle* 2000 – *Amselle J.-L.* Vers un multiculturalisme français. L'empire de la coutume. P.: Editions Flammarion. 2001.
- Amselle, M'Bokolo* 1999 – *Amselle J.-L., M'Bokolo E.* Au cœur de l'ethnie. Ethnicité, tribalisme et Etat en Afrique. P.: Editions La Découverte, 1999.
- Augé* 1979 – *Augé M.* Symbole, fonction, histoire. Les interrogations de l'anthropologie. P.: Hachette, 1979.
- Augé* 1994 – *Augé M.* Pour une anthropologie des mondes contemporains. P.: Editions Champs, Flammarion, 1994.
- Begag* 2005 – *Azouz Begag*, ministre délégué à la Promotion de l'égalité des chances. "Comment transformer la réalité si on ne la connaît pas?" Propos recueillis par Boris Thioly // *L'Express*. 2005. 10 nov.
- Bertaux* 1996 – *Bertaux S.* Les nouvelles catégories d'analyse des populations immigrées et de leurs enfants en démographie: "assimilation" et "population de souche" // <http://www-user.ined.fr/>
- Blum* 1997 – *Blum A.* Un futur imaginaire de la démographie (parmi d'autres), in: Jean-Claude Chasteland et Louis Roussel (sous la direction de). *Les contours de la Démographie au seuil du XXIe siècle*. P.: INED, 1997.
- Blum* 2006 – *Blum A.* Les limites de la statistique. Vouloir mesurer la complexité de la réalité sociale en utilisant la notion d'ethnicité est illusoire // *Le Monde*. 2006. 1 août.
- Bouju* 2002 – *Bouju J.* Se dire Dogon. Usages et enjeux politiques de l'identité ethnique // *Ethnologies comparées*. 2002. № 5. Automne. Passes recomposées.
- Bourgeot* 1994 – *Bourgeot A.* Les peuples heureux n'ont pas d'ethnie! Dans: *Pays du Sahel. Du Tchad au Sénégal, du Mali au Niger*. Ed. Autrement, 1994. № 72. H.S.
- Breton* 1998 – *Breton R.* Peuples et Etats: impossible equation. P.: Editions Flammarion Dominos, 1998.
- Cordonnier* – *Cordonnier J.* L'Alsace n'est pas la Corse // www.alsacedabord.org
- Cuisenier, Segalen* 1986 – *Cuisenier J., Segalen M.* Ethnologie de la France. P.: PUF, 1986.
- De Champlis* 1941 – *De Champlis A.G.* La France et la pensée raciale // *L'ethnie française*. 1941. № 3.
- Dictionnaire* – *Dictionnaire de l'ethnologie et de l'anthropologie*. Sous la direction de Pierre Bonte et Michel Izard. P.: PUF, 1991.
- Dieckhoff* 2000 – *Dieckhoff A.* La nation dans tous ses états. P.: Champs, Flammarion, 2000.
- Doquet* 2002 – *Doquet A.* Se montrer Dogon. Les mises en scène de l'identité ethnique // *Ethnologies comparées*. 2002. № 5. Automne. Passes recomposées.
- Duchesne* 1997 – *Duchesne S.* Citoyenneté à la française. P.: Presse de Sciences Po, 1997.
- Dupâquier et al.* 1996 – *Dupâquier J. et al.* Qui a peur du baptême de Clovis. Renaissance catholique, 1996.
- Fontan* 1969 – *Fontan F.* La nation occitane, ses frontières, ses régions. 1969 (extraits) // <http://ethnis-me.ben-vautier.com/analyses/etat/france.html>

- Formoso* 2004 – *Formoso B.* Debats sur l'ethnicite. Dans: Identité(s): l'individu, le groupe, la société. Sciences humaines éditions, 2004.
- Gabizon* 2006 – *Gabizon C.* La France est-elle prête à se lancer dans les statistiques ethniques? // *Le Figaro*. 2006. 5 oct.
- Glazer, Moynihan* 1975 – *Glazer N., Moynihan D.* (ed.). *Ethnicity. Theory and Experience*. Cambridge: Harvard UP, 1975.
- Gosselin* 1985 – *Gosselin G.* Ethnicite au-dela, regionalisme en-deça // *L'Homme et la société*. 1985. № 77–78.
- Gossiaux* 1997 – *Gossiaux J.-F.* Ethnie, ethnologie, ethnicité // *Ethnologie française*. 1997. XXVII. № 3.
- Gossiaux* 2002 – *Gossiaux J.-F.* Ethnie et ethnicité: définitions, théories, apories // *Gossiaux J.-F.* Pouvoirs ethniques dans les Balkans. P.: PUF, 2002.
- Guillaumin* 2002 – *Guillaumin C.* L'ideologie raciste. P.: Folio Essais, 2002.
- Hachette* 2002 – *Hachette*. Dictionnaire Encyclopedie Poche. P.: Hachette Livre, 2002.
- Heran* 1996 – *Heran F.* La fausse querelle des categories "ethniques" dans la statistique publique // <http://www.user.ined.fr>
- Hilaire* – *Hilaire J.-P.* La France a-t-elle encore un empire? // <http://ethnisme.ben-vautier.com/analyses/etat/france.html>
- Jarnot* 2000 – *Jarnot S.* Une relation recurrente: science et racisme. L'exemple de l'ethnie française // *Les Cahiers du Cériem*. 2000. № 5. Mai.
- Le Bras* 1996 – *Le Bras H.* Les Français de souche existent-ils? // <http://www-user.ined.fr>
- Littre* 1876 – *Littre E.* Dictionnaire de la langue française. P.: Hachette, 1876.
- Mantiniello* 1995 – *Mantiniello M.* L'ethnicité dans les sciences sociales contemporaines. P.: Editions PUF, 1995.
- M'Bokolo* 1998 – *M'Bokolo E.* Les ethnies existent-elles? // *L'Identite: l'individu, le groupe, la société*. Coordonné par Jean-Claude Ruano-Borbalan. P.: Sciences Humaines Editions, 1998.
- Mercier* 1961 – *Mercier P.* Remarques sur la signification du "tribalisme" actuel en Afrique noir // *Cahiers internationaux de sociologie*. 1961. Vol. XXI. Juillet–décembre.
- Mercier* 1968 – *Mercier P.* Tradition, changement, histoire. Les "Somba" du Dahomey septentrional. P.: Anthropos, 1968.
- Montandon* 1941 – *Montandon G.* Ce que signifie l'ethnie française // *L'Ethnie française*. 1941. № 1.
- Montandon* 1943 – *Montandon G.* Ethnoracologie judaïque: sociologie de l'ethnie juive // *L'Ethnie française*. 1943. № 8.
- Nicolas* 1973 – *Nicolas G.* Fait "ethnique" et usage du concept d' "ethnie" // *Cahiers internationaux de sociologie*. 1973. Vol. 54.
- Rallu* 1999 – *Rallu J. L.* L'utilisation de données ethniques en démographie. Texte préparé pour *Demographie: analyse et synthèse*. Séminaire de Rome, mai 1999.
- Simon, Clément* 2005 – *Simon P., Clément M.* Comment decrire la diversité des origines en France? Une enquête exploratoire sur les perceptions des salariés et des étudiants // *Population et sociétés*. 2006. № 425. Juillet–août.
- Schnapper* 1994 – *Schnapper D.* La communauté des citoyens. Sur l'idée moderne de nation. P.: Gallimard, 1994.
- Tribalat* 1995 – *Tribalat M.* Faire France. Une enquête sur les immigrés et leurs enfants. P.: Editions La Découverte, 1995.
- Thiolay* 2005 – *Thiolay B.* Faut-il compter les salariés par ethnie? // *L'Express*. 2005. 10 nov.
- Thomas* 2005 – *Samuel Thomas*, vice-président de sos-Racisme. «Une idée aberrante et dangereuse». Propos recueillis par Boris Thiolay // *L'Express*. 2005. 10 nov.
- Tribalat* 2005 – *Michele Tribalat*, démographe. «La statistique peut aider à lutter contre les discriminations». Propos recueillis par Boris Thiolay // *L'Express*. 2005. 10 nov.
- Weil* 2005 – *Patrick Weil*, sociologue. «Le comptage ethnique ne resoudrait rien». Propos recueillis par Boris Thiolay // *L'Express*. 2005. 10 nov.

E.I. Filippova. The Notion *Ethnie* in the French Scholarly Tradition and Its Political Use

The author discusses the ways in which the notion *ethnie* and its derivatives (ethnic, ethnicity, ethnic group, ethnic identity) have been conceptualized, constructed, and deconstructed in French humanities and social sciences. She pays special attention to debates over the possibility of employing ethnic categories in statistical analyses, in studies of cultural diversity, as well as in the struggle against discrimination (which is not infrequently defined as ethnic). The role and place of the notion both in political and social discourses and in ideological doctrines of nationalism are analyzed in the article.